

«В нем не было ни лжи, ни развоенъя...»

Пролог

Личность, судьба и творчество Василия Андреевича Жуковского и сейчас, спустя 235 лет со дня рождения и 165 лет со дня кончины, не перестают волновать нас. Кем же предстает перед нами Жуковский?

Без сомнения, великим поэтом, одним из создателей современного русского языка. Романтиком, автором поэтических баллад, сказок, прекрасной тонкой лирики, великолепным переводчиком...

Другом и учителем великого Пушкина, братом, товарищем, порой наставником многим литераторам пушкинской плеяды: Вяземскому, Давыдову, Батюшкову, Боратынскому, братьям Тургеневым, Козлову, Гоголю, Лермонтову...

Выдающимся педагогом, деятельности которого на посту воспитателя наследника престола и других лиц царской фамилии была направлена на развитие и укрепление в них любви к Отечеству, к русской культуре, высоких личных нравственных качеств, коими наставник их обладал в полной мере. О педагогике Жуковского следовало бы сказать особо.

Именно Василий Андреевич Жуковский был рядом с Пушкиным в последние часы его жизни и поведал о них в своем письме отцу поэта. Он сохранил рукописи Пушкина и подготовил издание собрания его сочинений в пользу вдовы и детей Пушкина.

Пользуясь близостью к монарху и царской семье, он был постоянным заступником и просителем за обиженных, сосланных, бедных, по выражению А. С. Пушкина — «милость к падшим призывал». Он пишет письма в защиту Н. И. Тургенева, о смягчении участии декабристов, хлопочет об освобождении из крепостной зависимости Т. Г. Шевченко, просит о высылке денег Н. В. Гоголю, о прощении Е. А. Боратынского, вступается за честь погибшего А. С. Пушкина и его семьи, к нему с просьбой о заступничестве обращается бабушка М. Ю. Лермонтова Е. А. Арсеньева... Василий Андреевич Жуковский по праву может быть назван «Совестью русского общества XIX столетия».

А еще — он был хорошим художником, автором многих пейзажей и зарисовок, которые неустанно заносил он в свой альбом во время поездок. И если пейзажные его рисунки выполнены в классической академической манере, с подчеркнутым соблюдением правил линейной перспективы (что, впрочем, не лишает их очарования), то несколько дошедших до нас портретных рисунков, выполненных рукой поэта, представляют для нас особый интерес, так как являются важными свидетельствами трагической судьбы поэта.

Известно множество женских образов в поэзии и графике А. С. Пушкина. Графика Василия Андреевича Жуковского более скромна. Из немногих, дошедших до нас портретных рисунков, можно, пожалуй, выделить два женских портрета, выполненных поэтом с любовью к изображененным.

«МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ МАТУШКА...»

Перед нами изображение сидящей на скрещенных ногах женщины. Ее поза и одежда выдают в ней женщину восточную. Кажется, что могло заинтересовать в ней поэта? Чтобы понять это, нам придется вернуться к его рождению.

Итак... «Село Мишенское, одно из многих поместий, принадлежавших Афанасию Ивановичу Бунину, находится в Тульской губернии, в 3-х верстах от уездного города Белева. Благодаря живописным окрестностям этого имения и близости его к городу, владелец избрал его постоянным местопребыванием для своего семейства и, по тогдашним обычаям, обустроил и украсил его роскошно. Огромный дом с флигелями, оранжереями, теплицами, прудами, садками, парком и садом придавал особую прелесть этой усадьбе, а обстановка — дубовая роща, ручеек в долине, виды на отдаленные пышные луга и нивы, на близкое село с церковью, настраивали чувства обывателей к мирному наслаждению красотой природы» (из воспоминаний К.К. Зейдлица (1798—1885), известного врача, друга В. А. Жуковского). Именно здесь и появился на свет будущий поэт и педагог. Эти места полюбил он на всю жизнь, они были связаны с дорогими для него воспоминаниями. Он позже неоднократно возвращался сюда, делал зарисовки.

Однако, продолжим наш рассказ, также опираясь на воспоминания современников поэта. «В царствование императрицы Екатерины II, когда были ведены Россией такие счастливые войны против Турции, мещане города Белева и многие крестьяне, казенные и помещичьи, повадились ездить за нашу армией маркитантами и торговали с большой выгодой. Один крестьянин села Мишенского..., пришед проститься с своим господином, спросил: «Батюшка, Афанасий Иванович, какой мне привезти тебе гостинец, если посчастливится торг мой?». Дедушка отвечал ему шутя: «Привези мне, брат, хорошенькую турчаночку,— видишь, жена моя совсем состарилась!» Но крестьянин не за шутку принял эти слова. Он торговал очень счастливо и после первого взятия Бендера, кажется, в 1774 году, возвратился и привез с собой двух турчанок, родных сестер: 16-летнюю Сальху, уже вдову,— муж ее был убит под стенами Бендера,— и 11-тилет-

нюю Фатьму, которая скоро и умерла» (из воспоминаний А. П. Зонтаг, дочери Варвары Афанасьевны Юшковой, внучки А. И. Бунина. А. П. Зонтаг приходилась Жуковскому племянницей, она была тремя годами младше, но в детстве они воспитывались вместе).

Сальха, отличавшаяся приветливостью, добродотой и смиренiem, осталась покорна своей судьбе и жила в семье Буиных, сначала при младших дочерях Варваре и Екатерине, которые учили ее говорить и читать по-русски, затем ей было поручено все хозяйство.

Ее молодость и красота, расторопность в хозяйстве и умение готовить привлекли к ней внимание Афанасия Ивановича. «Сальха, как невольница, по своим магометанским понятиям, покорилась ему во всем, но все так же была предана душою Марье Григорьевне, которая, заметя связь мужа своего с турчанкой, не делала ему ни упреков, ни выговоров, а только удалила от Сальхи дочерей своих... Она считала себя второю женой, но всегда оставалась покорною первой жене, как

госпоже своей, от которой не слыхала никогда неприятного слова. Бабушка не винила ее, зная ее магометанские понятия» (из воспоминаний А. П. Зонтаг).

Пристранившись к чтению, она много читала, и, наконец, решила принять православие. «Во святом крещении она была наречена Елизаветою, а по крестному отцу, дедушкину управляющему, отчество ее было Дементьевна» (А. П. Зонтаг), фамилия же ей была дана по происхождению — Турчанинова. 29 января 1783 года Елизавета Дементьевна родила сына. Восприемниками при крещении стали бедный киевский дворянин Андрей Григорьевич Жуковский и, с согласия матери, Варвара Афанасьевна Бунина. Тут же, получив при крещении имя Василий, мальчик был усыновлен А. Г. Жуковским, а потому получил его фамилию и отчество Андреевич. Как вспоминает со слов бабушки и Сальхи А. П. Зонтаг: «Марья Григорьевна подошла посмотреть на прекрасного мальчика и со слезами благословила его. Она думала о своем единственном сыне, умершем за два года перед тем, в совершенных летах... Сердце ее, неспособное к зависти и ни к какому неприятному чувству, кажется с этой минуты усыновило новорожденного.

После сорока дней Елизавета Дементьевна пошла с сыном в церковь, чтобы взять молитву. Возвращаясь домой, она вошла с младенцем своим в гостиную, где сидела бабушка, стала перед нею на колени и с горькими слезами положила к ее ногам малютку. Бабушка взяла его на руки, целовала, крестила и также плакала».

С этой минуты у Васи стало две матери, которые любили и помогали ему до самой своей смерти. «Он вырастал прекрасным, милым, добрым ребенком. Все любили его без памяти. Для старших он был любимым сыном, а для младших — любимым братом».

Еще в 1785 году отец записал Василия сержантом в Астраханский гусарский полк. В шесть лет он получил первый офицерский чин прапорщика, дававший право на личное дворянство, и был внесен в дворянскую книгу Тульской губернии. И когда получившему домашнее образование Жуковскому надо было продолжать учение, сосед по имени предложил ему поступить в полк. Однако устройство в военную службу не состоялось, вступивший на престол император Павел I запретил брать на действительную службу несовершеннолетних офицеров. Однако, пока юный прапорщик жил в Нарвском полку, стоявшем в крепости Кексгольм на берегу Ладожско-

го озера, произошло событие, о котором он написал матери: «Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна! Имею честь вас поздравить с праздником (*Рождеством* — A.C.)... О себе имею честь донести, что я, слава Богу, здоров. Недавно у нас был граф Суворов, которого встречали пушечной пальбою со всех бастионов крепости».

Часовня Николая Чудотворца. Белев. Рис. В. А. Жуковского

По возвращении в Тулу Василия Жуковского ждала еще одна важная для него встреча, о которой сам он впоследствии написал так: «Из посторонних лиц этого времени самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова... Он посещал нас в Туле, он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своей многосторонностью». Разносторонне образованный, много ездивший по России, он увлек юного Жуковского рассказами о создании природных парков, о птицах и животных, он знал наизусть оды Ломоносова, Хераскова и Державина. Именно Андрей Тимофеевич Болотов посоветовал родным Жуковского определить его в Московский университетский благородный пансион.

После окончания пансиона Жуковский служит некоторое время в Соляной конторе. Однако, эта служба ему не по нраву, и, воспользовавшись первым же предложением, он оставляет ее, занявшись литературным трудом.

Жуковский осознает двойственность своего положения: хотя он и принят ласково, как сын и брат, в доме Буниных, он не носит фамилию отца и не считается его наследником. «Одиночество, совершенный недостаток в приятных связях, отдаление тех людей, которые бы могли меня оживить и ободрить в искаении всего хорошего, совершенное бессилие души, ненадеянность на самого себя — вот что меня теперь мучит.

Я один; в самом себе не нахожу довольно прибежища; ...мне недостает ободрения. ...Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними вырощен, но не видел родных, мне принадлежащих по праву... Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно, не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности...», — записывает Жуковский в дневнике 26 августа 1805 г. Впрочем, в следующей записи (16 ноября) он признается: «Это было писано в худом расположении духа», — однако видно, что эти мысли мучают его постоянно, хотя порой он и преувеличивает свое одиночество: многие, и друзья и родные, искренне любят его.

Двойственность положения в семье сказалась на характере Жуковского: он научился сострадать обойденным судьбой и принимать чужую боль как собственную.

У него появилась новая мечта — перестроить подаренный ему теткой Авдотьей Афанасьевной Алымовой дом в Белеве, на самом берегу Оки, и поселиться в нем с матерью. Идея не вызвала возражений у его матерей, а Мария Григорьевна даже обещала дать своих плотников. Хотя Мария Григорьевна ни в чем не упрекала Елизавету Дементьевну, а та, в свою очередь, чувствовала к ней привязанность, все же и сын, и мать мечтали жить вдвоем, независимо от Буниных. «Желания твои о моем щастии чрезвычайно меня тронули. Конечно, мой друг, я с тобою надеюсь быть щастлива и спокойна; любовь твоя и почтение, право, одни могут сделать меня благополучной. А во мне ты напрасно сумневаешься, я очень чувствую, какого имею сына... А когда даст Бог мы будем жить в своем домике, то ты можешь быть уверен в моем снисхождении и доверенности; увидишь, что у тебя есть добрая мать, которая только твоего щастия и желает», — писала сыну Елизавета Дементьевна.

Однако, когда дом был построен, Елизавета Дементьевна жила в нем только во время приездов сына, когда же он уезжал, она переселялась в ставший для нее привычным и родным дом Буниных, к Марии Григорьевне.

Тула. Рис. В. А. Жуковского

В 1808—1810 гг. В. А. Жуковский занят редактированием «Вестника Европы», он задумал собрать и издать многотомную хрестоматию русской поэзии. «Вот расположение моего «Собрания», — пишет он Александру Тургеневу в сентябре 1809 года, — оно должно состоять из пяти, если не из шести полновесных томов; в первых двух или трех лирическая поэзия; в следующих по порядку: басни, сказки, элегии и прочее и прочее до дистиха... Все уже списано и приведено в порядок».

Живя в Москве, наезжал он в Мишенское и в орловское имение сводной сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой Муратово, доставшееся ей в наследство от отца. Он взялся быть архитектором и распорядителем работ по устройству имения, в котором не было еще господского дома: Е. А. Протасова с дочерьми Сашей и Машей поселились пока в крестьянской избе. В 1810 году Мария Григорьевна Бунин и Елизавета Дементьевна, сложившись, купили Жуковскому небольшую деревеньку Холх в окрестностях Белева с 17-ю крепостными — через реку от полюбившегося ему Муратова.

Жизнь начала налаживаться. Жуковский оборудовал себе кабинет в перевезенном через речку из Муратова старом доме Протасовых, через речку был построен мост. Однако, литературные дела требовали почти постоянного присутствия Василия

Андреевича в Москве, назревал конфликт между двумя редакторами «Вестника Европы» Жуковским и Каченовским.

Белёв. Рис. В. А. Жуковского

В это время и произошла трагедия — 13 мая в Мишенском скончалась Мария Григорьевна, в солидном, впрочем, для того времени возрасте восьмидесяти трех лет. Елизавета Дементьевна, приехавшая в Москву к сыну с этой грустной вестью, умерла спустя десять дней после своей бывшей хозяйки. Василия Андреевича глубоко потрясла эта утрата, похоронив мать на кладбище Новодевичьего монастыря, он сожалел о том, что совсем мало виделся с ней и практически не знал ее. Поклонился он и праху Марии Григорьевны Буниной. Лишившись сразу двух своих матерей, он стал еще более одинок.

О Елизавете Дементьевне Турчаниновой — турчанке Сальхе и ее трагической судьбе и напомнил нам карандашный рисунок поэта.

«ТИХИЙ АНГЕЛ»

Не оправившись от этой трагедии, Жуковский отправился в Холх, в свой пустующий домик. Теперь рядом с ним жило семейство Протасовых: Екатерина Афанасьевна с дочерьми Машей и Сашей.

В муратовском доме Жуковский затевал разнообразные игры, выпускал шуточные газеты. В это веселье вовлекались соседи и близкие Протасовых. Разыгрывались комедии, в том числе — специально для этих случаев сочиненные Жуковским.

Осенью Жуковский поселяется в Холхе, вновь начинает работать: «Мое время разделено на две половины: одна посвящена ученыю, другая авторству... Ученые: философия и история, и языки... Сочинения и переводы... Живу я очень уединенно», — пишет он в Санкт-Петербург Дмитрию Блудову.

Друзья зовут Жуковского в столицу, но Жуковский не в силах покинуть Холх и близкое Муратово. Целью и смыслом его жизни давно и надолго стала Маша Протасова.

Но вернемся немного назад. Одна из сводных сестер поэта, Екатерина Афанасьевна Бунина, вышла замуж за Андрея Ивановича Протасова. В 1805 году он умер, оставив жене двух дочерей: Машу (род. в 1793 г.) и Сашу (род. в 1795 г.), и большие долги. Расплатившись с долгами, Екатерина Афанасьевна поселилась в Белеве, недалеко от Мишенского. Видя стесненное положение Протасовой и трудность при ее средствах нанять хорошего учителя, Жуковский предложил заниматься с девочками. Протасова

согласилась. Жуковский горячо увлекся этим делом, составил обширный план занятий, имеющий целью не только сообщить ученицам знания, но и развить их нравственные качества. Основой обучения и нравственного воспитания стала литература. Василий Андреевич сам подбирал и переводил произведения для своих воспитанниц.

М. А. Мойер (Протасова)
Рис. В. А. Жуковского (1820)

Жуковский горячо привязался к девочкам, особенно к старшей, Марии. Вскоре он понял, что полюбил ее. Жуковский думал сформировать из неразвитой еще духовно и умственно девочки жену, такую, как она рисовалась в его воззрениях. «Я был бы с нею счастлив, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности», — записывает он в дневник. Жуковский поверил в возможность своей мечты, тем более что Маша отвечала ему взаимностью.

Свои размышления Жуковский поведал дневнику. По дневникам можно составить себе ясное представление о душевном облике, настроении и взглядах Жуковского в эту эпоху. Как отмечает литературовед И. М. Семенко, «поэт с величайшим вниманием анализирует свое душевное настроение, стремится этим путем выработать в себе твердые нравственные принципы, осмыслить свое отношение к жизни, религии, выработать свое этическое credo». Вот, например, запись в дневнике от 3 января 1806 года:

«Будущая жизнь

- 1) Что я должен и могу из себя сделать со стороны морального образования.
- 2) Какова теперь М^{<аша>} и какою я желаю ей быть.
- 3) Какая цель моей жизни и как до нее достичнуть.
- 4) В чем должен положить свое счаствие.
- 5) Чего искать в свете и от чего отказаться.
- 6) Как пользоваться самим собою, чем заниматься и чем доставлять другим пользу.
- 7) Как себя образовать и какой метод следовать в чтении.
- 8) План моей жизни: семейственной; авторской; общественной.
- 9) Что я должен иметь необходимо для своего счаствия.
- 10) Как вояжировать и что делать, если не поеду вояжировать.

Моральная система

В отношении к Богу; к ближнему; к себе самому.

К Богу. 1) Понятие о религии натулярной и откровенной: на них основывать свои поступки. 2) Понятия о творении. 3) Молитва. 4) Провидение.

К ближнему. 1) Человеколюбие. 2) Общество. 3) Любовь к отечеству. 4) Учтивость, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодействия. 8) Светские знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхождение. 12) Разговор. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушие. 15) Мода. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мнение. 19) Великодушие. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.

К самому себе. 1) Спокойствие души. 2) Душа. 3) Характер. 4) Ум. 5) Тело. 6) Добродетель. 7) Ревность. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономия. 11) Умеренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Злоречие. 15) Целомудрен-

ность. 16) Уважение самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнение. 23) Честность. 24) Совесть. 25) Смерть. 26) Состояние. 27) Порядок. 28) Образ жизни. 29) Счастье. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скука. 34) Чтение. 35) Лень, медлительность».

М. А. Протасова
Рис. В. А. Жуковского (1811)

В. А. Жуковский в юности

В 1808—1811 гг. Жуковский редактирует «Вестник Европы». В это время он сближается с Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским, часто общается с Александром Тургеневым, знакомится с К. Н. Батюшковым. Несколько экземпляров первого своего выпуска он послал в Белев. Но его собственное творчество пронизано мыслями о Маше. Две сказки его, напечатанные в «Вестнике Европы»: «Три сестры» и «Три пояса» — о ней, героини их Минвана и Людмила — она, Маша. Всем им по пятнадцать лет, эти сказки — подарок к пятнадцатилетию Маши.

Маша пишет ему письма: «Вестник разлучит нас по крайней мере на год! Очень грустно об этом думать! Пожалуйста, пиши ко мне почаше... Помнишь ли, мой милый друг, как было весело, как ты меня учил рисовать. Когда-то опять это будет. Мильный мой Базиль, когда приедешь ты к нам...», усердно занимается образованием, переведит повесть М. Эджворт «Прусская ваза» (этот перевод Жуковский позже напечатает в «Вестнике Европы»)...

Но Жуковский уже знает, что Екатерина Афанасьевна, которой он открыл свою любовь к Маше, не одобряет его. Причины — Маша еще ребенок, а главное, они состоят в близком родстве (хотя Жуковский был сводным, а не родным братом Екатерине Афанасьевне). Возможно, Екатерина Афанасьевна, отказывая Жуковскому, имела в виду (хотя и не говорила ему) и еще одно препятствие — его происхождение. Он мог быть другом семьи, воспитателем ее дочерей, но мужем одной из них... об этом она не хотела и думать. Жуковский понимал, что Маша не пойдет против воли матери, он и сам воспитывал ее в таком духе.

1812 год. Жуковский заканчивает «Светлану». Первоисточником «Светланы», как и более ранней «Людмилы», также явилась «Ленора» Бюргера, но у Жуковского получились произведения настолько самостоятельные, настолько не похожие на свой прообраз, как и друг на друга:

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги бросали...*

Вскоре и навсегда «Светлана» сделается знаменитой, и часто у современных читателей имя Жуковского сразу же и прочно ассоциируется с этим именно произведением.

Однако, Отечество в опасности! Французские войска, предводительствуемые опытнейшими полководцами, вторглись в пределы России. И Жуковский решает вступить в народное ополчение. Он отправляется из Холха в Москву, так как на Орловщине ополчение еще не создавалось. Жуковский был зачислен в Первый пехотный полк Московского ополчения, который 19 августа отправился из Москвы: «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу неприятелю», — писал 20 числа Карамзин И. И. Дмитриеву. Вместе с Московскими ополченцами Жуковский был участником Бородинского сражения — хотя их полк простоял весь день в резерве, но подвергался пушечному обстрелу: было много убитых и раненых. Так же ополченцем был в Бородинском бою и Вяземский.

Вскоре Жуковский был прикомандирован к штабу Кутузова, и здесь-то он смог применить против врага свое главное оружие, единственное, которым он владел в совершенстве — Слово.

В сентябре 1812 года он приезжает в Орел. Маша Протасова записывает в дневнике (10 сентября): «Вдруг наш добрый Жуковский явился из армии курьером к губернатору в 7 часов вечера. Этот бесподобный вечер никогда не забудется... Было очень много гостей, все приходили его смотреть, он нас успокоил много насчет дурных слухов... Он приехал к губернатору, чтобы ему рассказать, что сюда, в Орел, привезут пять тысяч человек раненых; тридцать будет стоять у Плещеевых в доме, и мне готовить для них корпию и бандажи».

Целый месяц Жуковский занимался в Орле устройством госпиталей, делал закупки для армии. 10 октября Екатерина Афанасьевна сама записывает в Машином дневнике: «День памятный в наших горестях: Жуковский, добрый наш Жуковский опять поехал в армию». День знаменательный — в этот день русская армия вступила в Москву, оставленную неприятелем. Вернувшись в штаб армии, Жуковский начинает большую элегию, принесшую ему поэтическую славу, «Певец во стане русских воинов». Эта торжественная песнь есть и возвзвание на битву, восхваление героев, скорбь о погибших, воспоминание об исторических корнях России.

И. И. Лажечников, также участник событий 1812 года, записал в «Походных записках» (20 декабря): «Часто в обществе военном читаем и разбираем «Певца во стане русских», новейшее произведение г. Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пьесу наизусть. Какая поэзия! Каков неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов!..». А Николай Коншин писал: «Эта поэма, по моему мнению, достойная Георгия 1-й степени, делала со мной лихорадку».

Писал Жуковский и штабные документы. Написанное им стихотворение «К старцу Кутузову» («Вождю победителей») было напечатано в походной типографии и листовкой распространялось по армии.

Однако, Жуковский заболел, был перевезен в госпиталь в Вильно, а затем получил бессрочный отпуск и в январе 1813 года приехал в Муратово. В это время неоднократно издается отдельными брошюрами и в журналах его «Певец во стане русских воинов» и Жуковский начинает подумывать о собрании сочинений. Он собирается целиком посвятить себя «авторству».

Жуковский вновь пытается определить свои отношения с Екатериной Афанась-

евной, заручившись поддержкой влиятельных знакомых и родных, сочувствовавших ему. Здоровье же Маши, и без того слабое, ухудшалось от невыносимых страданий. В марте 1814 года состоялся решительный разговор Василия Андреевича с матерью Маши, но получил решительный же и непреклонный отказ.

Жуковский и Маша потратили долгие годы на борьбу и десять лет не теряли надежды, пытаясь добиться согласия матери Маши на их брак. Между тем Е.А. Протасова ссылалась на родство и религиозные запреты и была непоколебима в своем отказе. Эти годы двое близких людей не могли видеться, кроме как на людях, переписывались.

Эти годы ознаменовались и многими событиями, как в стране, так и в жизни Жуковского. Он познакомился и сблизился с молодым еще Пушкиным и оценил его чудный дар. Было создано литературное товарищество «Арзамас», в котором Жуковский принял самое живейшее участие...

1817 год. 14 января Маша Протасова обвенчалась с профессором Дерптского университета, хирургом И. Ф. Мойером (впоследствии ставшим учителем выдающегося хирурга, героя Севастопольской обороны Н. И. Пирогова). Она решилась на этот брак потому, что Мойер, как и Жуковский, не мог без нее жить, и потому, что в нем она нашла подобие Жуковского.

Жуковский нашел в себе силы приветствовать брак М. А. Протасовой, он был на свадьбе. Друзья не понимали, как мог он решиться дать Маше согласие на замужество. «Минута, в которую я решился,— отвечал он на упреки А. И. Тургенева,— сделала из меня другого человека... Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастию, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь,— столь не опасная, как первая, и почти похожая на смерть... Но не бойся! Я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть» (письмо от 25 апреля 1817 года).

В это же время Жуковский получает предложение о службе — быть учителем русского языка при молодой супруге Великого Князя Николая Александре Федоровне (прусской принцессе Фредерике-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине). Это назначение послужило началом долгой педагогической деятельности Жуковского при императорском дворе.

Когда он может вырваться, он приезжает к Мойерам в Дерпт. Вот как записывает Маша в своем дневнике об очередном приезде Василия Андреевича: «Я стала еще счастливее с тех пор, как он еще раз благословил мое счастье... Его пребывание здесь много сделало мне добра: оно подкрепило все хорошее в сердце и дало снова сил на будущее». В 1821 году у Мойеров родилась дочь Катя: «Милый ангел! — пишет Маша Жуковскому,— какая у меня дочь! Что бы дала я за то, чтоб положить ее на твои руки». Саша Воейкова, приехавшая навестить сестру, дописывает: «На Машу весело глядеть...».

В день своего рождения, 29 января 1822 г., Жуковский приехал к Мойерам. «Душа, ты можешь вообразить, каково было увидеть его и подать ему Катьку! Ах, я люблю его без памяти и в минуту свидания чувствовала всю силу любви этой святой», — писала Маша после отъезда Жуковского (1 февраля) А. П. Елагиной.

Летом Маша с Мойером приехали из Дерпта в Муратово. По дороге она навестила бывший дом Жуковского в Белеве. В Муратове ждало ее письмо от Жуковского. «Ангел мой милый, старый мой Жуковский!.. Твое письмо возвратило мне все! И прошедшее, и потерянное в настоящем, и всю прелесть надежды... Теперь нет для меня горя! И в Муратове я теперь счастлива!.. Твоя комната, с письмом твоим в руках, есть мой рай земной!..» — отвечала она. Ее привезли в Муратово уже опасно больной.

В конце февраля 1823 года Саша Воейкова собралась в Дерпт, чтобы находиться с сестрой при ее родах. Жуковский поехал с ней. У него был лишь недельный отпуск и 8 марта он решил возвращаться. Вот как описывает он в письме А. П. Елагиной свое прощание с Машей: «Долго ждал лошадей, всех клонил сон. Я сказал им, чтобы разошлись, что я засну сам. Маша пошла наверх с мужем. Сашу я проводил до ее дома... Возвратясь, проводил Машу до ее горницы; они взяли с меня слово разбудить их в минуту отъезда. И я заснул. Через полчаса все готово к отъезду. Встаю, подхожу к ее лестнице, думаю — идти ли, хотел даже не идти, но пошел. Она спала, но мой приход ее разбудил; хотела встать, но я ее удержал. Мы простились; она просила, чтоб я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку...».

Не прошло и двух дней с момента приезда Жуковского в Петербург, как пришло известие о смерти Маши. Жуковский пишет А. П. Елагиной: «Я опять на той же дороге, по которой мы вместе с Сашей ехали на свидание радостное... Ее могила — наш алтарь веры, недалеко от дороги, и ее первую посетил я. Покой божественный, но непостижимый и повергающий в отчаяние. Ничто не изменяется при моем приближении: вот встреча Маши! Но, право, в небе, которое было ясно, было что-то живое. Я смотрел на небо другими глазами; это было милое, утешительное, Машино небо». Рядом с Машей был похоронен и ее родившийся мертвым сын.

*Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взор унылый
Был полон чувства,
Он мне напомнил
О милом прошлом;
Он был последний
На здешнем свете.*

*Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила
Как рай спокойна,
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.*

*Звезды небес!
Тихая ночь!..*

Перед смертью Маша написала Жуковскому письмо, которое и прочитал он на ее могиле: «Друг мой! Это письмо получишь ты когда меня подле вас не будет, но когда я еще ближе буду к вам душою. Тебе обязана я самым наиклевейшим счастьем, которое только ощущала!.. Жизнь моя была наисчастливейшая... И все, что ни было хорошего,— все было твоя работа...».

А вот строки из письма Жуковского к Маше, написанное в 1817 году, когда уже становилось ясно, что препятствия их соединению непреодолимы: «Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе, что ты давала лучшие намерения, что все лучшее во мне было соединено с привязанностью к тебе,— что, наконец, тебе же я обязан самым прекрасным движением сердца,— которое ре-

шилось на пожертвование тобой... В мыслях и чувствах постараюсь быть тебя достойным! Все в жизни — к прекрасному средство!..»

По воспоминаниям всех, знатавших М. А. Протасову, она была необыкновенно обаятельна, хотя и не отличалась красотой, — живая, остроумная, простая, сочетающая ум с воображением, доброту с образованностью. «Когда вчитываясь в письма М. А. Протасовой-Мойер, как-то сам собою выплывает в памяти образ пушкинской Татьяны», — отмечал П. Н. Сакулин. «Разбирая черты ее, я находил даже, что она более дурна, но во всем существе ее, в голосе, во взгляде было нечто неизъяснимо-обворожительное. В ее улыбке не было ничего ни радостного, ни грустного, а что-то покорное. С большим умом и сведениями соединяла она необыкновенную скромность и смиренение. Начиная с ее имени, все было в ней просто, естественно и в то же время восхитительно. Других женщин, которые нравятся, кажется, так взял бы да и расцеловал, а находясь с такими, как она, в сердечном умилении все хочется пасть к ногам их. Ну, точно она была как будто не от мира сего» (*Ф. Ф. Вигель*).

Такой предстает она и на рисунках Жуковского.

ЭПИЛОГ

По сути дела, Василий Андреевич Жуковский был всю жизнь очень одиноким человеком. Друзья уходили из жизни раньше него: Андрей Тургенев, Пушкин, Козлов... Ушла из жизни Маша Протасова-Мойер, через некоторое время не стало и ее сестры Саши — «Светланы», как ее называли близкие, по имени героини одноименной поэмы Жуковского.

Годы после смерти Маши были заполнены творчеством, общением с литераторами (он сблизился с Аксаковым, Гоголем, познакомился с Лермонтовым, Тютчевым), службой при дворе (он был учителем наследника престола), путешествовал. До конца жизни заботился он о дочери Маши и Сашиных детях.

Свою семью Жуковский обрел лишь 21 мая 1841 году, обвенчавшись в русской и лютеранской церквях Штутгарта с Елизаветой Рейтерн, дочерью своего друга художника Г. Рейтерна. Там же, в Германии, в 1842 г. рождается дочь Александра, в 1845 — сын Павел.

12 августа 1852 года сердце Жуковского перестало биться. Последний год своей жизни он, полуослепший, затворившись в темной комнате своего дома в Баден-Бадене, работал над поэмой «Вечный Жид», писал последние свои стихи, и все еще надеялся вернуться в Россию. И он вернулся: 29 августа он был похоронен в Санкт-Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с Н. М. Карамзиным и И. И. Козловым. Гроб несли на плечах студенты Университета. Проводить его в последний путь пришли Ф. И. Тютчев, П. А. Плетнев, А. И. Козлова (дочь поэта), Е. П. Ростопчина, А. П. Елагина.